

УДК 340.131(470)

**ЗНАЧЕНИЕ СООТНОШЕНИЯ ОБЪЕМА И СПОСОБОВ
ТОЛКОВАНИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ГРАНИЦ
ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Ю.И. Лепихова

Самарский государственный университет

Статья посвящена анализу границ интерпретационной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации и критериям ее ограничения.

***Ключевые слова:** Конституция, Конституционный Суд Российской Федерации, интерпретационная деятельность.*

Говорить об ограничениях в интерпретационной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации можно только в аспекте более широкой сферы взаимных ограничения ветвей власти.

Идея ограничения деятельности государственной власти прошла длительный путь развития, занимая лучшие умы человечества с тех пор, как появилось само государство. Ее осмысление актуализировалось в эпоху буржуазных революций в Западной Европе, нарастало в эпоху Просвещения, а затем и в Новейшее время. Активная творческая разработка вопросов о направлениях и границах деятельности государственной власти, об объеме выполняемых государством функций была исторически обусловлена стремлением социальных сил к утверждению буржуазного миропорядка.

С точки зрения различных методологических подходов артикуляция пределов и границ интерпретационной деятельности дает широкие возможности в понимании сущности и содержания этих явлений, раскрывает их философский, культурологический, аксиологический и иные аспекты.

Для анализа понятий «ограничение» и «предел интерпретационной деятельности» полезно обратиться к исследованиям, посвященным анализу пределов и ограничений государственной власти. Т.В. Милушева считает, что в общесоциальном смысле их можно использовать как синонимы. В конечном итоге основное предназначение пределов (ограничений) выражается в том, что они выполняют важную роль по ограничению неоправданной свободы лица, а также ориентируют субъектов на социально полезное поведение.

Но вместе с тем она обращает внимание, что применительно к правовой сфере целесообразно обратить внимание на имеющиеся между

ними различия, поскольку от их содержания зависит адекватность средств правового регулирования, определяющих статус субъектов публично-властных отношений. Эти понятия находятся во взаимодействии и коррелируют понятиям «свобода» и «необходимость».

В теории права существует распространенное мнение, согласно которому интерпретационная деятельность ограничена содержанием норм права, а также знаниями интерпретатора. Вместе с тем можно сделать вывод о том, что применение вышеуказанных ограничителей выражается в совокупности способов интерпретации. Следовательно, ограничения лежат в совокупности способов интерпретации.

В то же время интерпретационная деятельность – это деятельность, осуществляемая исключительно в сфере правоприменения. Однако правоприменители в своей деятельности практически не используют теорию толкования (интерпретации), выработанную отечественной правовой наукой. В свою очередь, это является признаком нежизнеспособности и неактуальности теории и ее нецелесообразности, например, в части классификации толкования (интерпретации) на способы. На практике, если следовать предложенному теорией толкования (интерпретации) ранжированию, в подавляющем большинстве случаев используются языковой, логический и систематический способы толкования. Следовательно, для целей правоприменения логичнее использовать не градацию толкования (интерпретации) на способы, а конкретные правила по осуществлению истолковательных операций.

Эта рекомендация может быть полезной для Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Суд) в связи с подходом к толкованию (интерпретации) как мыслительному, а не познавательному процессу. Ряд исследователей предпочитают говорить о логическом способе толкования как о мыслительном процессе. Если учесть, что процессу познания коррелируют способы этого познания, то, действительно, справедливым выглядит вывод о том, что мышлению должны коррелировать правила.

Для интерпретационной деятельности Суда характерен ряд особенностей:

1. Судьями осуществляется интерпретационная деятельность всех норм по всем делам, рассматриваемым ими.
2. Кроме того, интерпретации подлежат не только нормы права, но и содержание процессуальных документов.
3. Суд имеет наиболее широкое поле усмотрения при осуществлении интерпретационной деятельности по сравнению с другими правоприменителями.
4. Результат толкования становится общеобязательным.

Таким образом, критерии ограничения интерпретационной деятельности Суда логично искать как в рамках самого конституционного процесса, так и за его пределами, включая правовые и внеправовые критерии, в особенности политико-правовые условия осуществления интерпретационной деятельности Суда.

Исходя из объекта интерпретации критерии определения границ можно ранжировать с целью обозначения практических рекомендаций по методологии интерпретации. Вне зависимости от типа интерпретируемого текста общим критерием для определения границ выступают знания интерпретатора о стилистике и времени написания того или иного текста.

Вместе с тем ученые-правоведы при исследовании аспектов языкового толкования текста немаловажное внимание уделяют объему толкования общих понятий. По отношению к конституции как документу, содержащему наибольшее количество общих понятий среди всех прочих нормативных правовых актов правовой системы, чаще всего применяется ограничительные интерпретации. Следовательно, здесь мы сталкиваемся с проблемой соотношения методов толкования и объема понятия, которая заключается в том, что для достижения адекватного рассматриваемой ситуации объема интерпретируемого понятия применяется ограниченный набор способов и методов. Однако, исходя из современной общепринятой отечественной теории толкования, мы имеем возможность свободно применять любой метод независимо от объема понятия. Но если тезис о том, что ясное не нуждается в толковании, если под ясным понимать конкретное, отвергнут, то получается, что толкованию подлежит и общее, и конкретное.

В этой связи из сложившейся в юридическом научном сообществе позиции относительно свободы выбора способа толкования следует, что общие понятия можно и разумно интерпретировать расширительно, т. е. создавать для широкого понятия еще более широкое значение.

Любое толкование абстрактного понятия при разрешении дела Судом будет его ограничением в процессе интерпретации. Например, понятие «справедливость» сложно истолковать распространительно, однако в контексте судебных решений по делам о «справедливом правосудии» будет примером одного из буквальных толкований, придаваемых тексту Судом, а в контексте конкретного дела, например, в Постановлении от 18.10.2011 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности положений статей 144, 145 и 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 8 статьи 16 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина С.Л. Панченко», понятие «справедливой и эффективной судебной защиты» будет лишь одним из

возможных прочтений из всего спектра значений слова «справедливый». Поскольку Суд толкует лишь те казусы, которые возникают в ходе отправления правосудия, не все толкования понятий Конституции РФ, выработанные Судом, будут исчерпывающим образом характеризовать содержание той или иной статьи Конституции. Таким образом, абстрактные нормы следует толковать динамически и ограничительно или буквально, конкретные – статически и буквально или расширительно.

Довольно часто замысел автора ошибочно отождествляется с замыслом законодателя. Однако автор нормативного правового акта не всегда является законодателем, как это, например, происходит, в случае издания нормативных правовых актов исполнительных органов власти. Кроме того, не каждый документ, являющийся предметом юридической интерпретации, является нормативным правовым актом. Такими юридически важными документами, которые требуют интерпретации, являются, например, процессуальные документы конституционного судопроизводства. Следовательно, замысел автора гораздо шире по смыслу, чем замысел законодателя.

Кроме того, в теории предполагается, что можно выделить один, согласованный набор ценностей, целей и презумпций, связанных с личностью автора. Однако следует учитывать, что разработка и принятие нормативного правового акта осуществляется как индивидуально, так и коллективно. В разрезе более широкого подхода к интерпретационной деятельности интерпретатору стоит руководствоваться не только замыслом автора или авторов нормы, но и автора или авторов процессуальных документов.

Но цели и ценности, присущие каждому отдельному автору, не подлежат обобщению. Вместе с тем влияние публично-правового аспекта накладывает определенные ограничения на свободу интерпретации этого замысла. Даже если бы мы могли выделить адекватный ситуации набор целей, ценностей и презумпций, то маловероятно, что мы получили бы однозначный ответ на вопрос о том, в чем заключается замысел автора.

Что касается текста Конституции, то, как правило, он разрабатывается и принимается коллективом авторов исходя из политико-правового значения, придаваемого тексту проекта каждым соавтором. Следовательно, даже в отношении одной и той же нормы проекта соавторы могут иметь разные точки зрения по вопросу об ее значении. Тексты других нормативных правовых актов также принимаются коллегиально законодательным или исполнительным органом, за исключением актов распорядительного характера. В случае процессуальных документов спектр значений ограничен пояснениями самого автора этого документа.

Помимо внеправовых ограничителей, вытекающих из текста нормы, само общество и общественные отношения ограничивают интерпретатора. В частности, ограничителем может выступать целый спектр характеристик общества, начиная от менталитета и заканчивая историческими и культурными традициями. Но особый интерес представляет позиция, выработанная научным сообществом. Это не просто научная доктрина как совокупность выработанных в том или ином научном юридическом сообществе позиций относительно описательных или положительных или отрицательных характеристик тех или иных норм, это также отдельно взятые парадигмы толкования.

Юридическое сообщество находит основания своей правовой точки зрения из его социальной культуры и правовых традиций, и правила толкования норм права являются частью этой культуры и традиции. Если эти правила достаточно незыблемы для того, чтобы отличить одно юридическое сообщество от другого, то они достаточно сильны, чтобы руководить интерпретатором, работающим в самом сообществе. Однако нужно признать, что эти правила не всегда приводят к однозначному решению. Судебное усмотрение существует, но оно не подрывает основы парадигмы толкования. Скорее, оно часть этой парадигмы. Правила толкования очень важны для законодательства. В случае отсутствия правил толкования юридический текст в руках судьи становится средством манипуляции. Намерение судьи вытесняет намерение автора текста. Текст теряет свой независимый характер, и юриспруденция сводится к упражнениям в выявлении психологии или социальной принадлежности интерпретатора. Закон становится карикатурой на самого себя. Тот, кто признает существование закона, должен также признать существование правовых норм, которые связывают толкование правовых текстов.

При интерпретации Конституции и нормативных правовых актов, используемых при разрешении дела, особое внимание следует уделять публично-правовому элементу содержания правоотношения, при интерпретации процессуальных документов – замыслу их автора. Именно эти аспекты служат ограничителями деятельности Суда.

Ограничители представляют собой пределы, за которые интерпретатор не может выходить, характеризуя при этом не только инструментарий интерпретатора. При этом объем толкования также является одним из ограничителей, обязывает интерпретатора давать такое суждение, которое наиболее эффективным образом позволит разрешить дело. Ограничители, в свою очередь, должны дать четкое представление о том, что все не запрещенное в рамках ограничителя становится реальным подспорьем для интерпретатора, особенно если они сформулированы в виде правовых аксиом.

Список литературы

1. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб., 1999.
2. Быдлински Ф. Основные положения учения о юридическом методе. Часть вторая. // Иностранная наука частного права: Вестн. гражданского права.. 2006. Т. 6, № 2. С. 190–241.
3. Гаврилова Ю.А. Объем толкования права: монография / под ред. Н.Н. Вопленко. Волгоград, 2009.
4. Карапетов А.Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М., 2011.
5. Костикова А.В. Толкование юридических текстов и основные подходы к толкованию // Арбитражные споры. 2006. № 2. С. 111–140.
6. Милушева Т.В. Пределы и ограничения государственной власти (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... д-ра. юр. наук. Саратов, 2012.
7. Сигалов К.Е. Среда публичного права: факторы становления // Административное и муниципальное право. 2010. № 7. С. 10–16.
8. Толстик В.А., Дворников Н.Л., Каргин К.В. Системное толкование норм права. М., 2010.

**VALUE OF THE INTERRELATION BETWEEN CAPACITY
AND METHOD OF LEGAL INTERPRETATION
AND THE LIMITS OF INTERPRETATION
OF THE CONSTITUTIONAL COURT
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Yu.I. Lepikhova

Samara State University

The article analyzes the limits of interpretation of the Constitutional Court of the Russian Federation and the criteria of its limitations.

Keywords: *Constitution, the Constitutional Court of the Russian Federation, interpretative activities.*

Об авторе:

ЛЕПИХОВА Юлия Игоревна – аспирант кафедры государственного и административного права юридического факультета Самарского государственного университета (443011 г. Самара, ул. Академика Павлова, д. 1); e-mail: lepikhova-workbox@yandex.ru.